

СТАРЫЙ ВОРОН

I

Прошла ночь, и родился новый день, сын поздней осени. Он не радовал лучезарной голубизной неба, по которой, будто длинный шлях в степи, тянется перистая белая прямая и где пасутся огромные белоснежные отары барашков-облаков; где кружат ласточки и стрижи, тонко попискивая и радуясь стремительному полёту, головокружительной высоте, лёгкости и силе своих крыльев. Он не пьянил сладкими и терпкими ароматами цветов и трав, которые струит земля, нацелованная и напоённая тёплым солнцем, вплетая их в голубую дымку.

День был сер, мрачен и тосклив. Хмурое небо, лишь слегка просветлённое далёким солнцем, кружок которого слабо виднелся и плыл под мутными струями небесного потока, будто молодлица на старой, потёртой от времени чёрно-белой фотографии, где едва различимы черты красивого лица, нагоняло тоску.

По небу парил старый ворон, изредка взмахивая крыльями, в которых не было уже прежней силы, озирая своими антрацитовыми глазами сонную землю. Поля убраны — голые, отталкивающие и холодные. Лишь изредка виднелся оставленный сиротливый стог, наполовину растрёпанный ветрами. Со своими густыми седыми волосами и бородой, водянистыми глазами, что блестят из-под метёлок бровей, он похож на старого бродягу. Блёклый, понурый, остановившийся на малый отдых, чтобы немного набраться сил, взять деревянный посох в высохшие, иссечённые жилами руки, закинуть такую же потрёпанную котомку на хилые плечи и снова пуститься в дорогу. Травы высохли и пожелтели, деревья сбросили свои последние листья.

Накрапывал холодный дождик, капли ударяли в перья ворона, чёрные как смоль. Ворон был стар. По своему обычаю, пролетев над деревней, каркнув, как будто удостоверая людей, что он тут, что жив и ещё может летать, ворон садился на большой поклонный крест, стоящий у дороги. Он долго сидел на нём, вспоминая свою молодость, вороницу, которая пала от старости, оставив его одного, их выводки, малых птенцов, ставших статными вольными птицами, считая пережитые дни — погожие и пасмурные.

II

Мишке не хотелось идти в школу. Вот бы лежать и лежать в тёплой постели, а потом встать, умыться в рукомойнике и поесть пирогов с картошкой, запивая парным молоком. А потом весь день играть на улице с соседской детворой, драться, ссориться, бегать в догонялки, ходить на рыбалку и на охоту.

Последнее занимало деревенских ребятишек больше всего. Конечно, на настоящую охоту они не ходили, а только играли, стреляя по бутылкам, птицам и подобным, по их мнению, мелочам. У каждого мальчугана была воздушка, и чем дальше и точнее она была — тем более матёрым охотником был обладатель в общественных глазах.

За Мишку взялась мать — принялась журить, так что вставать всё-таки пришлось. Он позавтракал, оделся и поплёлся в школу. А рюкзак забыл. Но быстро исправил свою оплошность, подгоняемый грозным окликом матери.

«Какой день серый, аж с души воротит, — шлёпая по лужам, думал Мишка, — хорошо хоть, что завтра выходной».

Над ним пролетел и каркнул ворон.

— Тебя ещё недоставало, и так погано, а ты тут ещё карканьем своим тоску нагоняешь, — крикнул он и плюнул.

На крыльце Мишку встретила ватага товарищей, гоготали, дёргали девчонок за косички, играли в догонялки и дрались.

Что ещё делать в этом юном возрасте — живи и радуйся. Потом всего будет вдоволь: и забот, и мытарств.

Его окрикнул друг и сосед Сашка. Всея толпой затеяли было очередную весёлую игру, но прозвенел звонок, и пришлось идти в класс.

День летел быстро. Оставались перемена и последний урок. Ребята завели свою любимую тему об охоте. Боря Баранкин по прозвищу Барабан, — видимо, прозванный так за свою плотную, круглую комплекцию и шумный нрав, — начал хвалиться, что с отцом ходил добывать кабана и сам лично из отцовского ружья положил двух матёрых вепрей.

— Враньё, — сказал Сашка, — ты отцовское ружьё-то даже не поднимешь.

— Пупок у тебя развяжется, — улыбался Мишка.

— Ничего не враньё, — горячился Барабан, — хочешь, пойдя отца спроси.

— Будя, — сказал Миша.

— Ты-то сам хоть раз на охоте был?

Мишку такой вопрос явно смутил.

— То-то, — с самодовольным видом сказал Барабан.

— Да я, если захочу, пойду, и вообще, из воздушки я лучше тебя стреляю.

— Ну-ка, ты хоть кого-нибудь подстрелил?

— Бутылок сколько хочешь!

— Что твои бутылки, Мишка, ты по живой мишени попробуй, что бегают или летает, тут ты явно впросак попадёшь.

— А вот и нет!

— А вот и да!

— Спорим? — горячился Барабан.

— Не спорь с ним, Миш, — сказал Санька. — Не надо, кто спорит, тот...

Колебания продолжались пару секунд.

— Спорим!

Тут Мишка вспомнил о старом вороне, разозлившем его утром.

— Я подстрелю того ворона, что по деревне летает, и принесу как трофей!

— Не подстрелишь, — осклабился Барабан, — брешешь.

— Сбреши лучше. Что, если подстрелю?

— Сниму перед тобой шапку, — улыбнулся Борька.

— Ты не смейся!

— Возьму свои слова обратно, — серьёзно сказал Барабан.

«Эх, Мишка», — подумал про себя Саша.

III

На следующий день Миша встал ни свет ни заря. Было ещё темно, а дождь стучал в окна, как и вчера, оставляя на стекле косые струйки. Натянув большие резиновые сапоги и дождевик, взяв свою любимую самодельную воздушку, он потихоньку вышел из дома и отправился, шлёпая по лужам, на край деревни к кресту, надеясь там застать ворона.

Светало. Створки неба плавно приоткрывались, как старый, пропахший нафталином сундук. Голые берёзы качали своими жидкими, будто проволочными косами, с которых ветер уже сорвал последний лист и, закружив его, кинул на дорогу. Подошвой сапога Мишка лист вдавил в грязь. Что-то смутно ныло в душе маленького охотника. Вчерашний пыл охладел. Но он бодрился и представлял себя настоящим профессионалом навроде Натаниэля Бампо, или, вернее сказать, Зверобоя и Соколиного Глаза. Да и гордость не позволяла отступить.

Вдали уже виднелся крест, на котором, как Мишка и ожидал, сидел ворон. Было уже светло, ветер гулял по жухлым травам, рябил гладь дорожных лужиц, в которых отражалась стылая непроглядь дня, прижимал к телу дождевик и при сильном порыве заставлял жмуриться.

Охотник подошёл на нужное для выстрела расстояние, взяв в учёт дождь и ветер.

— Будет в самый раз.

На душе было муторно.

Мишка неосознанно подошёл ближе, рискуя спугнуть ворона, но тот лишь повернулся к нему, оставаясь недвижимым. Сиротливый, промокший и одинокий, каркнул, будто приветствуя мальчика. В оттенке его голоса Мишка уловил, кажется, жалующиеся нотки, нотки обречённости и тлена.

Он вздрогнул. Посмотрел на холодное, отчуждённое от этого брэнного мира далёкое небо, поднял воздушку и прицелился. Ворон не дрогнул, неподвижный, смотрел на Мишку своими мудрыми глазами, как бы заранее его прощая.

Прерывисто дыша, Мишка целился в птицу. Смотрел на неё, взяв на мушку, сквозь грань, разделяющую жизнь и смерть. И вдруг неожиданно память подсунула ему далёкое видение из детства, как он, совсем еще ребёнок, лет четырёх, убежал гулять из дома, преодолел деревню и дошёл до креста. Это сооружение его поразило, а на кресте сидели ворон и ворониха. Засунув палец в рот от изумления, он смотрел на поклонный крест и на ворона, большую чёрную птицу, которая смотрела на него вот так же, как сейчас.

Мишка опустил винтовку.

Невольно его стали окутывать счастливые воспоминания. Когда был жив отец, брал его на рыбалку, за ягодами и грибами. Возвращаясь домой, неизменно радостный, он слышал будто приветственный крик ворона и следил за его неспешным полётом, а отец всегда останавливался и крестился на этот крест. Мишка вспомнил, как в первый раз гулял с Машей Волковой, понравившейся ему девочкой с забавными, будто мышинными хвостиками, косичками. Смущался, не знал, что сказать, краснел, когда брели по дороге. Над ними пролетел он, и Маша с улыбкой сказала:

— Какой у нас большой ворон водится! Каждый день его вижу.

Это послужило темой для немудрёного детского разговора, перешедшего потом на другое. Миша был рад, что стена неловкого молчания была разрушена, шепнул тогда:

— Спасибо, ворон.

«Каждый день его вижу... А ведь и правда, — подумал он, — сколько я себя помню — помню и его».

Так они смотрели друг на друга — мальчик и птица. Миша украдкой перекрестился, как отец когда-то, закинул воздушку на плечо и побрёл домой. На сердце стало легко, пасмурный день и дождь уже не казались ему такими плохими и грустными. Он был счастлив, что не переступил ту невидимую грань, которая разделила бы его с самим собой навсегда.

Ворон смотрел вслед Мишке, почти уже неразличимому для старого глаза. Силы оставляли его. Соскользнув с креста, он упал вниз. В последний раз взглянул ввысь и закрыл наполненные смертельной усталостью мудрые глаза, повернув голову под вороное крыло, на которое роняло дождевые капли бездонное, поражающее своей бесконечностью и глубиной небо.

НОЧНАЯ ДОРОГА

I

На вечернем небе горел закат. Лиловые тени ложились на землю. Прохладный ветер трепал макушки трав, пахнущих свежестью и мёдом. Где-то поблизости стрекотали кузнечики, готовясь ко сну, и гудели майские жуки. Пофыркивала лошадь, идущая неторопкой рысцей, повозка постукивала колёсами. Дорога вилась полями и перелесками.

В повозке сидели двое, изредка переговариваясь, шутили, разморённые благодушием вечера. Василий и Дарья ездили к престарелой Дарьиной тётке в гости, в село, и теперь, получив порцию наставлений о пути жизненном и гостинцы для детей, возвращались домой.

Настроение у обоих было хорошее, но, когда телега подъехала к лесу, темнеющему кронами, Дарья стала беспокойной. Закат догорел. Ночь, обретая власть, красила своими тёмными красками стволы деревьев, тушевала тенями, делая контуры еле различимыми, утопающими в своём бесчисленном множестве. В лесу тишина. Только где-то в сумрачной глубине ухнет филин или треснет ветка под лапой оступившегося зверя.

— Нам бы у тётки остаться, Вась, — сказала Дарья, нервно царапая борт телеги.

— Чтой-то с тобой, ты чего какая смурная, всё ведь хорошо было?

Дарья огляделась по сторонам.

— Страшно.

— Чего страшно? Волков, что ли, испугалась? — ухмыльнулся Василий. — Нужны мы им. Скоро деревня наша, ехать-то всего ничего.

Дарья озиралась, вглядывалась в чёрную непролазь. И мерещилось ей, что сотни зелёных хищных глаз наблюдают за ними и кто-то бежит по пятам. Чудился леший, вылезший из-под корней самой большой и старой ели в лесу, на которой сидят вороны. Чудились колдуны и ведьмы

с огромными клыками и длинными ногтями, прыгающие через костры на своих ночных шабашах или рыскающие в чашах, ища души человеческие, чтобы их сгубить.

— Вспомнилось мне, Вась... И сердце тянет.

— Чего вспомнилось-то, Дашка? — Василий был смущён и раздосадован резкой переменой в настроении жены.

— А то... Помнишь, с Иванычем-то поссорились из-за межи?

— Ну?

— Не знаешь будто, о чём мужики потом судачили? Напился он пьяный, вышел в проулок, а мимо его дома Илюшка Архипов шёл. Подошёл он к Илюшке, тот было поздоровался, а Иваныч молчит и глядит мутными глазами. «Убью», — говорит злым голосом. И негромко так сказал, не горланил напоказ, да пошёл в избу. Это и страшно. Про тебя говорил-то. Я было и забыла с того времени, а как к лесу подъехали — жуть взяла.

— Да ладно тебе, Даш. Правда наша, нечего на чужое зариться. А что касаемо того — не посмеет. Брешет. Храбрым он сроду не бывал. Поссорились, поругались, дал я ему пару раз. Куда уж он супротив меня-то.

— Не хвались ты, Васька, беду своей хвальбой накличешь! Телегу с шумом подкидывает.

— Пррр! — кричит Василий. — Ах ты, корень, под такую мать! Слезу колесо посмотрю.

Дарья, поправив платок, щёлкает кнутом по лошадиному крупу, пуская лошадь трусцой.

— Ну, ты уж совсем, — Василий с иронией смотрит на Дарью. — А если колесо дорогой отвалится? Не доедем никуда.

Она не отвечает.

Вдруг Дарья начинает причитать и жмётся к мужу:

— Убьёт он нас, Васенька, ой страшно! Ночь какая тёмная, ветер поднялся, будто воеет, ой недобро, — плачет...

Лошадка, похрапывая, запрядала ушами, избоченя шею,

посмотрела на хозяев своим лиловым глазом, будто тоже выражая свою озабоченность и о чём-то предупреждая.

— Прр!

Стали.

Василий вглядывается в дорогу.

— Там что-то лежит никак?

— Вася, не уходи!

— Будя, пойду посмотрю.

Она слезает с телеги за мужем и пришибленно идёт следом, шепча молитвы, беспрестанно оглядываясь, чувствуя, как ледяной холод и страх сковывают её движения.

— Убьёт нас Иваныч! Убьё-о-от.

— Деревцо упало, надо убирать, — будто не слыша её, говорит Василий.

Настроение жены стало передаваться ему.

— Или срубили и кинули, — говорит про себя, но не показывает испуга от догадки, закравшейся в сердце.

Дарья обнимает его, прижимается мокрыми щеками к плечу. Они стоят на лесной дороге, не видя лиц друг друга, только чувствуя живое тепло, согревающее душу. А над ними в безбрежном антрацитовом небе горят звёзды.

Василий утирает ей слёзы:

— Ничего, Даш, ну не плачь. Что ж ты так-то. Ничего не случилось, живы мы и здоровы. Давай дерево уберём и поедем.

Кобылка, раздувая ноздри и качая гривой, набирала ход, колёса постукивали, в такт им поскрипывала ось.

Лес, окутанный густым, непролазным сумраком, был молчалив и покоен. Где-то в сумрачной глубине ухнул филин, щёлкнула ветка от чьего-то неосторожного шага.

II

Лет через тридцать было гулянье в деревне по случаю престольного праздника. Дарья сидела на скамейке и смотрела на резвящихся внуков.

— Как козлята, — подумала она и улыбнулась.

Василия уже к тому времени не стало.

Подошёл дед с клюшкой и, побряхтывая, присел рядом.

Молчали.

— Дарья Дмитриевна, праздник какой хороший.

— Да, Виктор Иванович, день чудный, жаль, Вася не дожил, не видит, как внуки подрастают, — её лицо подёрнулось грустью.

Иваныч нервничал, силился что-то сказать:

— Дарья Дмитриевна...

— А?

— Повиниться хочу перед тобой.

— В чём виниться-то? — Дарья смутилась.

— Помнишь, ночью через лес вы с Васькой ехали?

— Ну? — Дарья оживилась, неожиданная и смутная догадка обожгла её душу.

— Обозлился я тогда на него. Вы на гости уезжали — момента лучше не придумаешь. Кинул дерево поперёк дороги, а сам поодаль за другим спрятался да вас поджидал. Решил за обиду отомстить и положить из ружья вас обоих. Верно тебе сердце вещало. Зол, уверен был, но как ты плакать стала, как меня поминать начала — самому жутко сделалось, аж руки затряслись. Пересилил себя да ружьё вскинул, а вы стали в обнимку и стоите, не шевелитесь — сердце ёкнуло, жаль вас стало, до того жаль... Руки сами опустились. Несколько раз ещё целился и не смог на курок нажать. Вы и уехали. Меня холодный пот прошиб, перекрестился я и домой побрёл.

Дарья не ответила. Она запелёнутыми глазами смотрела вдаль, вспоминая, как стояли они обнявшись, как Вася бережно утирал ей слёзы, как в его сильных объятиях она успокоилась. Вспомнила себя и его, молодых и счастливых. Утёрла бегущую слезу.

Догорал закат, шумели весёлые детские голоса. В траве стрекотали кузнечики, предвещая ночь.